

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн биринчи йил нашри

9
1967.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания одиннадцатый

К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Х. Ш. ИНОЯТОВ

УДК 30211 (С52)

**ОБОСТРЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА
И НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА
В ТУРКЕСТАНЕ В СЕНТЯБРЕ—ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА**

В полном расцвете своих творческих сил и могущества встречает наша страна 50-ю годовщину победы Великого Октября, открывшего эпоху всеобщего революционного обновления мира.

Социалистическая революция, как подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — это не верхушечный переворот, осуществляемый группой «активных революционеров», а движение и борьба миллионных масс во главе с рабочим классом, руководимых своим авангардом — марксистско-ленинской партией.

Состоявшийся в июле—августе 1917 г. VI съезд партии большевиков, взяв разработанный В. И. Лениным курс на вооруженное восстание, показал великий пример исторической инициативы, умелого учета соотношения классовых сил и конкретных особенностей момента.

Последующий ход революционных событий убедительно подтвердил правоту ленинской оценки социально-экономической и политической обстановки в предоктябрьской России.

К осени 1917 г. положение в стране стало крайне напряженным. Антинародная политика буржуазного Временного правительства обострила общенациональный кризис в России. Империалистическая война, хозяйственная разруха, голод, предательство правящих кругов, готовых пойти на сговор с немецкими империалистами для удушения революции, — все это знаменовало «подход контрреволюционных сил к последней черте»¹.

По всей стране ширилось революционное движение рабочих и крестьян, усиливались волнения в армии, разворачивалось освободительное движение угнетенных народов национальных окраин, рос авторитет большевиков, их влияние на массы. Контрреволюционный корниловский мятеж в августе 1917 г., направленный на установление режима военной диктатуры, всколыхнул всю страну, поднял народ на защиту революции.

В. И. Ленин в статье «Кризис назрел» отмечал, что сентябрь, особенно конец сентября, «принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции», и указывал, что наступил новый этап, который можно назвать кануном революции. «В России переломный момент революции несомненен»².

Руководствуясь ленинскими указаниями, решениями VI съезда партии, большевистские организации в центре страны и на ее окраинах,

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 277.

² Там же, стр. 272, 275.

в том числе в Туркестане, усиливали революционную работу в массах, готовя их к решающей борьбе за власть Советов.

5 сентября 1917 г. одними из первых в крае с требованием передачи власти Советам выступили рабочне-железнодорожники Ташкента. Общее собрание рабочих и служащих Ташкентского железнодорожного узла заявило, что есть только один выход из создавшегося тяжелого экономического и политического положения — передача всей власти в руки революционных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, установление рабочего контроля над производством. Собрание потребовало немедленной отмены смертной казни, роспуска Государственной думы, освобождения арестованных революционеров³.

Резолюции о передаче власти Советам выносились также трудящимися и воинскими частями других городов края.

Революционные выступления трудящихся масс Туркестана в предоктябрьский период достигли кульминационной точки во время известных сентябрьских событий в Ташкенте.

3 сентября на собрании Ташкентской организации РСДРП большевики осудили принцип коалиционности в правительстве и потребовали передачи власти Советам. В основу решения была положена резолюция расширенного заседания ЦК РСДРП(б) от 31 августа 1917 г. «Защита и углубление завоеваний революции, ликвидация войны, урегулирование продовольственной разрухи может быть осуществлено лишь при условии передачи власти в руки революционного народа в лице его полномочных органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴. На собрании был избран новый состав Исполнительного Комитета, куда вошли большевики Ф. И. Колесов, И. О. Тоболкин; в состав Совета был избран большевик А. Ф. Солькин.

В этот острый политический момент произошел раскол среди меньшевиков и эсеров. К началу сентября у эсеров выделяется так называемое «левое крыло», которое, хотя и робко, выражало недовольство политикой соглашательства с буржуазией, а у меньшевиков — «левая группа», называвшая себя «интернационалистами». Они высказывались за прекращение империалистической войны.

Учитывая сложную политическую обстановку, большевики пошли на создание временного революционного блока с «левыми» эсерами и группой меньшевиков-«интернационалистов», проводя, однако, собственную политическую линию и разоблачая непоследовательность соглашательских партий.

11 сентября 1917 г. Ташкентский Совет созвал совещание всех демократических организаций по вопросу о власти, где разгорелась острая борьба большевиков с меньшевиками. Большевики, поддержанные представителями рабочих железной дороги и почтово-телеграфного союза, предложили объявить данное совещание революционным комитетом и немедленно передать ему всю полноту власти в крае. Предложение большевиков было отклонено. Тогда они покинули совещание и явились на заседание Исполнительного Комитета Ташкентского Совета. Здесь предложение большевиков было принято благодаря поддержке представителей революционных масс, в том числе трудящихся местных национальностей. Ташкентский Совет одобрил также решение солдат 2-го Сибирского полка о проведении 12 сентября митинга солдат гарнизона и общегородской демонстрации.

³ Газ. «Рабочее дело», 10 сентября 1917 г.

⁴ Там же.

Турккомитет Временного правительства, напуганный развитием революционных событий, запретил организацию в Ташкенте с 12 по 15 сентября всяких митингов, собраний, шествий. Краевой Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором преобладали соглашатели, поддержал это распоряжение.

Однако остановить начавшееся движение масс было невозможно. Утром 12 сентября рабочие железнодорожных мастерских, городских предприятий, солдаты 1 и 2-го Сибирских стрелковых полков, трудовая беднота старого города направились к Александровскому парку (ныне сквер им. Кафанова). Руководство стихийно возникшим митингом взяли на себя большевики. Они выступили с речами, в которых потребовали прекращения империалистической войны, передачи власти Советам, земли — беднейшим крестьянам, фабрик и заводов — рабочим.

На митинге единодушно была принята резолюция большевиков, в которой указывалось, что выход из создавшегося положения состоит: «1) В немедленной реквизиции всех находящихся у капиталистов продуктов первой необходимости... 2) Осуществлении полного рабочего контроля над производством и распределением продуктов. 3) В национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение... 5) В немедленном переходе всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства. 6) В издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов... 7) Все изложенное может быть осуществлено только при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁵.

Власть в городе решено было передать Ташкентскому Совету. В избранный на митинге Революционный Комитет вошло 14 человек — 4 большевика, 5 «левых» эсеров, 2 анархиста и 3 меньшевика. Преобладание эсеров-меньшевистских элементов отрицательно сказалось на деятельности Ревкома.

Днем 12 сентября состоялось заседание Ташсовета, на котором предстояло избрать новый Исполком. К месту заседания Совета собралось несколько тысяч человек. Сюда с красными знаменами прибыли воинские части, рабочие железнодорожных мастерских и станции Ташкент, «Таштрама», типографии и других предприятий. Во вновь избранный Исполком Ташсовета вошли 7 большевиков, 10 меньшевиков и 16 «левых» эсеров.

Напуганный происходящим Турккомитет пытался вмешаться в ход событий. Во время митинга в Александровском парке он созвал экстренное совещание с участием высших военных и гражданских чинов Ташкента. Они приняли решение применить оружие к участникам митинга. Однако ни одна воинская команда не вышла из казарм. Тогда Турккомитет постановил арестовать членов Ревкома.

Командующий войсками Туркестанского округа генерал Черкес с ротой прапорщиков и юнкеров окружил «Дом Свободы», арестовал членов Ревкома и отправил их в областную тюрьму. Известие об этом вызвало возмущение трудящихся и солдат, присутствовавших на заседании Исполкома Ташсовета. Они потребовали от генерала Черкеса и прокурора Барановского немедленно освободить арестованных, угрожая разгромить тюрьму.

Прокурору Барановскому пришлось освободить членов Ревкома, которые в 2 часа ночи прибыли в «Дом Свободы» и на совместном заседании с Исполкомом Ташсовета в ночь на 13 сентября постановили аре-

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 12, л. 110.

ствовать некоторых представителей контрреволюционных властей, разоружить школу прапорщиков, поставить караул у почты, телеграфа, железнодорожного вокзала, казначейства и штаба округа, направить комиссаров в войсковые части, образовать секции для текущих работ, издавать «Нашу газету» (под редакцией большевика Г. М. Цвиллинга), взять на себя распределение продовольствия.

Таким образом, власть в городе фактически перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. О событиях в Ташкенте Ревком сообщил по телеграфу всем Советам края, а в телеграмме от 14 сентября предложил местным Советам направить в Ташкент своих представителей для образования Временного Краевого Совета⁶.

Ревком и Исполком Ташсовета обратились к населению с воззванием, разъяснявшим причины «Ташкентских событий» и призывавшим массы оказать доверие полномочным органам революционной демократии.

Весть о революционных событиях в Ташкенте быстро облетела весь край. Во многих городах состоялись собрания и митинги. На имя Ташсовета и Ревкома стали поступать приветственные телеграммы с обещанием поддержки.

13 сентября 1917 г. в Ташкенте, в мечети Шейхантаур, состоялся большой митинг с участием 15 тыс. человек. На митинге по приглашению жителей присутствовали члены Исполкома и Ревкома, которые рассказали местным трудящимся о происходящих событиях. Участники митинга заверили членов Совета и Ревкома о полном доверии к ним трудового населения⁷.

В тот же день пришли поздравительные телеграммы от Чимкентского и Аулиеатинского Советов, Черняевского Совета и гарнизона. Резолюции в поддержку рабочих и солдат Ташкента вынесли Кушкинский Совет и гарнизон, Кокандский гарнизон и др.

Революционный почин ташкентских рабочих был поддержан большевиками центра. Центральный орган большевиков «Рабочий путь» решительно высказался за Ревком и новый Исполком Ташсовета. В статье «Высекли себя», написанной по поводу образования в Ташкенте Временного революционного комитета, говорилось: «Рабочие и солдаты Ташкента, подчиняясь революционизирующей логике событий, выразили недоверие старому составу Исполнительного Комитета Совета и, избрав новый революционный комитет, сместили корниловские власти, поставили новые, взяли в руки власть. Это было достаточно для перехват-залихватов Временного правительства, чтобы объявить войну «анархистскому» Совету Ташкента. Правда, факты говорят, что Совет был в своем большинстве эсеровским, а не анархистским. Но какое дело до этого «усмирителям» из Временного правительства... Только наша партия до конца и решительно поддерживала Ташкентский революционный Совет против контрреволюционных покушений правительства и его агентов»⁸.

Эсеров-меньшевистский Краевой Совет рабочих и солдатских депутатов, отстраненный решением Ревкома и Исполкома Ташсовета от 13 сентября, объявил о непризнании им Ревкома и вновь избранного Исполкома и, не надеясь на поддержку масс, переехал в Скобелев (Фергана), где вокруг него объединились бежавшие из Ташкента лиде-

⁶ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сборник документов, т. I, Ташкент, 1963, стр. 320.

⁷ Хроника событий Октябрьской революции в Узбекистане (февраль—ноябрь 1917 г.), Ташкент, 1962, стр. 117.

⁸ Рабочий путь, 4 октября 1917 г.

ры эсеров и буржуазных националистов. Их позицию разделяли меньшевистско-эсеровские Советы Скобелева, Намангана, Коканда, Самарканда и ряда других городов.

Выступившие единым фронтом контрреволюционные силы стали просить у Керенского и эсеров-меньшевистского ВЦИКа вооруженной помощи против «захватчиков власти». На этом настаивал и Турккомитет Временного правительства. В телеграммах, разосланных им по всему краю, события 12 сентября изображались как «бунт», а населению сообщалось, что «источником власти по-прежнему остается Временное правительство и поставленные им и перед ним ответственные его представители в лице Туркестанского комитета»⁹.

В телеграмме Турккомитету от 15 сентября министр-председатель А. Ф. Керенский обещал выслать в Ташкент войска для подавления «мятежа» и предложил «захватчикам власти» в течение 24 часов подчиниться представителям Временного правительства, грозя принять самые решительные меры «для восстановления порядка, не отступая перед действием вооруженной силы»¹⁰.

Активные действия контрреволюционного лагеря требовали от Ревкома и Исполкома Ташсовета принятия решительных мер. Однако меньшевистско-эсеровские соглашатели опасались дальнейшего развития революционных событий. «Левые» эсеры и меньшевики-«интернационалисты» мешали осуществлению намеченных Ревкомом мероприятий. Они не приняли никаких мер, чтобы парализовать действия Турккомитета Временного правительства и помешать отъезду Краевого Совета в Скобелев. Почта и телеграф остались в руках правительственных властей, газеты с воззваниями и приказами, исходящими от Ревкома или Ташсовета, задерживались, а иногда просто уничтожались, как и телеграммы, посылаемые в Петроград. Ташкентские большевики не сумели взять руководство Ревкомом в свои руки, что отрицательно сказалось на дальнейшем развитии событий.

15 сентября 1917 г. на совещании социально-демократической организации Ташкента меньшевики предложили упразднить Ревком, а «левые» эсеры и меньшевики-«интернационалисты» потребовали создания временного органа власти из представителей всех «демократических организаций» и членов Турккомитета Временного правительства впредь до организации «твердой» власти в центре. Большевики не могли с этим согласиться, и вечером 15 сентября Временный революционный комитет сложил свои полномочия, а Исполком Ташсовета был переизбран. В новый состав Исполкома вошли 16 эсеров, 17 социал-демократов и 3 беспартийных. В числе социал-демократов были большевики А. А. Казаков, Н. В. Шумилов, В. С. Ляпин, Ф. И. Колесов, И. О. Тоболлин, В. П. Бауман, А. Ф. Солькин, Г. М. Цвиллинг и другие¹¹. Однако перевес еще оставался на стороне «левых» эсеров.

Пользуясь нерешительностью Ревкома и Исполкома Ташсовета, силы контрреволюции перешли к более активным действиям. Были освобождены из-под ареста и восстановлены в должностях лица, арестованные Ревкомом, вновь вооружена школа прапорщиков. Против Ташкентского Совета велась бешеная агитация. 17 сентября Турккомитет в ультимативной форме предложил Ташсовету признать его власть. В ответ на это Ташкентский Совет созвал 18 сентября представительное совещание, в котором приняли участие посланцы рабочих Ташкентских и Среднеазиатских железнодорожных мастерских, Центрального бюро

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-1760, оп. 1, д. 8, л. 13.

¹⁰ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 13, д. 2, л. 114—116.

¹¹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане, т. 1, стр. 381.

профсоюзов, трамвайных мастерских и других предприятий. Они заявили о полной поддержке Ташсовета. Тогда председатель Турккомитета В. П. Наливкин вынужден был пойти на соглашение с Исполкомом Ташсовета. В соглашении гарантировалась неприкосновенность участников сентябрьских событий и содержалось обещание предупредить Керенского о том, что необходимость в присылке карательных отрядов в Ташкент отпала.

Однако, заключая это соглашение, Турккомитет стремился лишь оттянуть время. Никакой телеграммы Керенскому послано не было. Реакция готовилась нанести поражение революционным силам. Керенский назначил командующего войсками Казанского военного округа генерала П. А. Коровиченко командующим войсками Туркестанского военного округа и предложил ему срочно выехать в Ташкент для «подавления мятежа вооруженной силой».

Узнав об этом, рабочие и солдаты потребовали не допускать прибытия в Ташкент карательной экспедиции. Ташкентская объединенная социал-демократическая организация в знак протеста выпустила 18 сентября воззвание, призывавшее рабочих к забастовке¹². Вечером 18 сентября Ташкентский Совет принял постановление начать всеобщую забастовку. С воззванием к рабочим обратилось и Центральное бюро профессиональных союзов города.

20 сентября началась всеобщая политическая забастовка, которая продолжалась 7 дней. В ней участвовало 40 профсоюзов. Бастовали рабочие железнодорожных мастерских, трамвая, электростанций и др. Бастующие под руководством большевиков требовали немедленно отозвать карательную экспедицию, обеспечить обязательное участие представителей Совета рабочих и солдатских депутатов в гражданском и военном управлении края, сместить контрреволюционно настроенных командиров воинских частей.

В ответ на забастовку контрреволюционные силы перешли к репрессиям. Город был объявлен на военном положении, запрещены все митинги и демонстрации. Казаки и юнкера усилили охрану правительственных учреждений и разгромили «Дом Свободы». Однако забастовочное движение продолжало расти. С 23 сентября стачка охватила всех железнодорожников края, став частью Всероссийской сентябрьской забастовки железнодорожников. Бастующие всячески стремились задержать продвижение карательной экспедиции к Ташкенту.

Ташкентская организация РСДРП, готовясь к встрече с солдатами экспедиции, решила провести среди них соответствующую агитационную работу, рассказать им правду о сентябрьских событиях, для чего на вокзал была направлена группа рабочих во главе с Ф. И. Колесовым.

Первый эшелон карательной экспедиции, вооруженный артиллерией и броневиками, прибыл в Ташкент 24 сентября. Вступив в должность генерального комиссара и командующего войсками Туркестанского военного округа, Коровиченко установил в городе военную диктатуру, приказал передать в руки правительства зачинщиков «бунта», а «мятежным» частям сдать оружие и демобилизоваться. Но солдаты Ташкентского гарнизона не подчинились распоряжению Коровиченко, а распространяемые большевиками солдаты карательной экспедиции отказались выступить против трудящихся и солдат Ташкента. Стаечный комитет предъявил Коровиченко следующие требования: 1. Признание Ташкентского Совета солдатских и рабочих депутатов полномочным органом революционной демократии. 2. Объявление о снятии военного положения. 3. Немедленное удаление Туркестанского Комитета Времен-

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-1760, оп. 1, д. 8, л. 196.

ного правительства в лице Наливкина и Шендрикова, а также их штата. 4. Неприкосновенность представителей революционной демократии и войск. 5. Немедленное расследование всех действий Туркестанского Комитета Временного правительства»¹³.

Коровиченко вынужден был пойти на соглашение с Исполкомом Ташсовета, которое предусматривало отмену военного положения в Ташкенте и запрещение расформирования и передвижения воинских частей без санкции Совета. После этого Ташсовет принял решение о прекращении забастовки. 27 сентября военное положение в городе было снято и забастовка прекратилась.

Сентябрьское выступление народных масс Ташкента убедительно свидетельствовало о нарастании революционного кризиса и усилении большевистского влияния в массах.

В октябрьские дни 1917 г. по всему краю прокатывается новая волна революционных выступлений, характерной особенностью которых было выдвижение политических требований, прежде всего о переходе власти в руки Советов.

Борьба вокруг вопроса о власти, обострение недовольства масс соглашательской политикой меньшевиков и эсеров получили яркое отражение в работе II Краевого съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившего в Ташкенте с 29 сентября по 10 октября.

Съезд обсудил два вопроса — о Ташкентских событиях и об организации краевой власти. Меньшевики и эсеры пытались проташить резолюцию о признании власти Временного правительства, одобрении деятельности Краевого Совета и осуждении сентябрьских событий. Большевики дали решительный отпор соглашательским элементам и добились того, что съезд осудил предательскую деятельность Краевого Совета. Тогда меньшевики и правые эсеры покинули съезд. Оставшиеся делегаты (51 человек) приняли решение объявить себя конференцией и предложили местным Советам прислать представителей для образования нового Краевого Совета¹⁴.

В октябре 1917 г. резко усиливается процесс большевизации местных Советов, активизируется их деятельность. Так, 17 октября был переизбран соглашательский Президиум Кокандского Совета. 18 октября на расширенном совещании Ташсовета с участием представителей рабочих и солдатских организаций большинством голосов была принята предложенная большевиками резолюция о положении в стране, содержащая требования прекращения войны, освобождения арестованных революционеров, установления контроля над производством и потреблением, немедленной передачи всей земли в ведение земельных комитетов¹⁵.

Надо сказать, что если в центре страны большевизация Советов в основном завершилась до начала Октябрьской революции, то в Туркестане этот процесс, начавшийся в сентябре, развернулся в широких масштабах несколько позднее и шел вплоть до конца 1917 — начала 1918 г.

В крае, как и по всей стране, нарастало забастовочное движение, причем многие забастовки носили политический характер. Рабочие и солдаты Ташкента требовали возобновления выпуска органа Ташсовета «Нашей газеты». К ним присоединились члены Ташкентского профсоюза строительных рабочих. Трудящиеся массы, руководимые большевиками, выступали за введение 8-часового рабочего дня, увеличение

¹³ С. Муравейский. Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане, Ташкент, 1922, стр. 45—46.

¹⁴ Туркестанские ведомости, 12 октября 1917 г.

¹⁵ Победа Октябрьской революции в Узбекистане, т. I, стр. 488—489.

заработной платы, улучшение условий труда, против контрреволюционной политики Временного правительства, за передачу власти Советам.

Росло также влияние большевиков в войсках, расположенных на территории Туркестана. Солдатские массы открыто выражали недовольство реакционным офицерством, решительно требовали прекращения войны и передачи власти Советам.

На митинге 2 октября солдаты 1-го Сибирского запасного полка приняли решение выразить недоверие новому командующему войсками генералу Коровиченко. В тот же день собрание полковых, ротных и командных комитетов 2-го Сибирского полка выразило возмущение действиями контрреволюции, выступающей «против Совета солдатских и рабочих депутатов». 16 октября общее собрание полковых, ротных и командных комитетов Ташкентского гарнизона, а 17 октября — собрание командных комитетов оружейников, слесарей и столяров 2-го Сибирского запасного полка постановили: «Поддержать Совет в его борьбе за права и власть организованной демократии..., если потребуется, вооруженной силой»¹⁶.

Вместе с революционной борьбой рабочих и солдат усиливается и движение дехкан Туркестана. Дехканские массы все чаще отказывались подчиняться местным органам власти, платить налоги, выполнять натуральные повинности. В ряде случаев они самочинно захватывали земли, особенно те, что были ранее отняты у них колонизаторами, требовали ликвидации колониального гнета и передачи власти Советам.

В крае ширилось национально-освободительное движение. Переходу масс на сторону большевиков активно содействовали вернувшиеся из России «тыловики», которые развернули среди местного населения широкую революционную работу.

Растущее классовое размежевание между трудящимися и эксплуататорами местных национальностей особенно ярко проявилось во время выборов в городские думы (август—сентябрь 1917 г.), на которых «Союз трудящихся мусульман» впервые выступил со своими списками и требованиями, поддержанными большевиками.

Трудящиеся массы открыто выражали недоверие Туркестанскому комитету Временного правительства и требовали передачи всей власти Советам. Так, резолюцию недоверия Туркестанскому комитету вынесли на своем собрании рабочие Ташкентских главных мастерских Среднеазиатской железной дороги, общее собрание рабочих Бородинских мастерских Ташкентской железной дороги, рабочие ташкентских заводов Гольдберга, Емельянова и Сорокина, фабрики общества «Ташсам» и других предприятий, делегаты III Самаркандской областной конференции Советов рабочих и солдатских депутатов и т. д.

Члены Ташкентского профессионального союза строительных рабочих требовали: «Долой министров-капиталистов!»

Общее собрание Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов с участием представителей воинских комитетов и профсоюзных организаций заявило, что единственным выходом «в деле спасения Родины и революции является передача власти самому народу, который с помощью своего революционного правительства сможет избавить страну как от экономической катастрофы, так и от нависшей над ней опасностью потери независимости»¹⁷.

Резолюции о передаче власти Советам выносили воинские части Ташкентского и других гарнизонов края.

¹⁶ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 13, д. 8, л. 57, 60.

¹⁷ Там же, д. 2, л. 169.

Все это свидетельствовало о том, что в Туркестане, как и по всей стране, к октябрю 1917 г. сложилась революционная ситуация.

Большевистская партия настойчиво готовила массы к социалистической революции.

«Февральская революция 1917 года, — отмечается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — смела царское самодержавие, однако буржуазия, пришедшая к власти, не хотела и не могла удовлетворить насущных нужд рабочих и крестьян. Лишь завоевание пролетариатом политической власти могло обеспечить решение коренных общественных проблем. Жизненные интересы, глубокое беспокойство о судьбах страны властно побуждали трудящиеся массы к революционным переменам. Социалистическая революция стала непосредственной практической задачей»¹⁸.

¹⁸ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС, Правда, 25 июня 1967 г.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1993

4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН
1993.

Переход к рынку изменяет сложившиеся отношения в области собственности, управления, валютно-финансовых и кредитных отношений, цен и т. д.⁷

Субъекты рыночных отношений в системе материального стимулирования в условиях конкурентной борьбы будут стремиться к повышению доходов и уменьшению расходов. Эта цель достигается на основе высокоэффективного производства.

Рыночные отношения сами по себе еще не обеспечивают высокий уровень жизни, свободы, материального и духовного развития. Для этого необходимы следующие условия: строгое соблюдение законов, элементарный правовой и экономический порядок, организованность в промышленности, на транспорте, наличие необходимых качеств делового человека: осведомленности, компетентности, уважения к партнеру, верности слову и т. д.

Решение проблем рынка требует целостного подхода, учитывающего все элементы в их взаимосвязи и взаимозависимости, но и наличие его еще не гарантирует успеха при переходе к рынку. Каждый этап перехода связан с проблемами. Разрабатывая концепцию «вхождения в рынок», необходимо учитывать и общие закономерности, но принимать также во внимание исторические традиции, специфические проблемы данного региона. Создание условий, благоприятных для развития рыночных отношений, ныне является для нас первостепенной задачей. Рынок как элемент сложноорганизованной системы хозяйствования находится во взаимодействиях с другими элементами (многочисленные регулирующие институты, культура, идеология и т. д.), под воздействием которых складываются рыночные отношения. Они способствуют более разностороннему разделению труда, выявлению предпринимателей и др., т. е. сопряжены с активностью личности, подготовленностью сознания к этим отношениям.

Рынок обладает системой мер, обеспечивающих взаимодействующие стороны необходимой информацией. Он полон противоречий, как внутренних, так и внешних. Как сложноорганизованная «открытая» система, он создает объективные условия для возможных связей между подсистемами. Выработанные средства действий, т. е. программа действий, должны быть адекватны условиям реализации цели. Но вместе с тем нельзя забывать о том, что «свободный рынок» может функционировать должным образом лишь в том случае, если он «регулируется (например, с помощью антимонопольного законодательства или закона, регулирующего демпинг)»⁸. И не все может быть предметом купли-продажи.

Как видим, и здесь адекватность познания действиями формируется посредством создания объективных и субъективных условий, воздействием внешних и внутренних факторов.

В частности, к благоприятным условиям можно отнести расширение участия иностранного капитала в хозяйственном освоении региона, активизацию внешнеэкономической деятельности и свободного предпринимательства.

В свете сказанного надо подчеркнуть, что сознание, сформированное в условиях диктата тоталитаризма, планового ведения хозяйства, командно-административного метода управления, чрезмерной политизации и идеологизации общественной жизни и т. д., в условиях рынка не может адекватно отражать и быть основой для адекватных действий. Поэтому необходимо формирование нового сознания, адекватного принципам рыночных отношений. Взаимосвязь объективных условий и сознания личности является необходимой предпосылкой для адекватности познания и действия.

М. Н. Абдуллаева

⁷ Бауткина Н. Опыт становления рыночных хозяйств (информация, размышления, комментарии) // Экономические науки. 1991. № 1. С. 83.

⁸ Агацци Э. Указ. статья. С. 36.

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

Новые исторические реалии, вызванные Февральской революцией 1917 г. в России, оказали влияние и на состояние национального движения в колониальных регионах империи, дав ему сильный дополнительный импульс. Одной из особенностей этого периода было нарастание интеграционных процессов среди мусульманских народов России, что вызвало необходимость создания специального органа, призванного защищать их жизненные интересы.

Уже в марте 1917 г. по инициативе мусульманской фракции IV Государственной думы такой орган был создан. На этот орган, получивший название — «Временное центральное бюро российских мусульман», была возложена задача подготовки и созыва всероссийского съезда мусульман.

Первый всероссийский съезд мусульман работал в Москве с 1 по 11 мая 1917 г.¹

¹ В 1905—1907 гг. также проводились общероссийские съезды мусульман, однако данный съезд был первым после Февральской революции.

На нем присутствовало около 900 делегатов от различных мусульманских регионов, в том числе Туркестана, Бухары и Хивы², и были представлены почти все политические течения, от правых до левых. Однако общий дух энтузиазма, вызванного недавними событиями, позволял делегатам, несмотря на довольно полярные политические взгляды, приходить все же к согласию по большинству рассматриваемых вопросов.

На съезде был принят комплекс резолюций по рабочему вопросу, по культурно-просветительным делам и т. д.

Требования, содержащиеся в этих резолюциях, вкратце сводились к следующему: введение 8-часового рабочего дня; прекращение выселения коренного населения и конфискации его земель в степных областях Семиречья и Туркестана; расширение сети национальных школ с преподаванием на родном языке; открытие учительских семинарий и курсов для мужчин и женщин, а также средних профессиональных школ; предоставление политических прав женщинам; запрещение полигамии, раннего замужества и калыма; образование временных (до созыва Учредительного собрания) национальных учреждений для управления земскими городскими школами; создание для мусульманского населения временного духовного управления, а для координации деятельности различных региональных политических партий учреждение центрального национального Совета (Милли Шуро), на который возлагалось руководство мусульманами до Учредительного собрания. Предусматривалось, что постановления национального Совета (в его состав предполагалось включить представителей всех народов России, исповедующих ислам) были бы обязательными для всех местных организаций. В специальной резолюции был изложен пакет пожеланий Временному правительству; в них отмечалось:

«1. В местности с мусульманским населением комиссары Временного правительства и вообще все чиновники должны назначаться из лиц, пользующихся доверием местного мусульманского населения, по указанию местных мусульманских организаций.

2. Все пожелания местного мусульманского населения, не затрагивающие интересы какого-либо другого населения, должны немедленно проводиться в жизнь.

3. Из пожеланий местного немусульманского населения должны быть проводимы только те, которые не затрагивают интересов местных мусульман...

5. Разрешение земельного вопроса должно быть отложено до Учредительного собрания, а до того времени всякое одностороннее разрешение земельного вопроса, хотя бы и частичное, недопустимо.

6. Временное положение о местном самоуправлении для мусульманских окраин должно быть выработано при участии представителей местного населения³.

Особо следует выделить вопрос о форме национально-государственного устройства России, ибо именно по нему на съезде разгорелись ожесточенные споры, приведшие к расколу форума на две большие группы: одна из них стояла на принципах централизма и выступала за экстерриториальную культурную автономию мусульман в составе демократической Российской республики, а другая — за территориальную автономию для мусульманских народов в составе Российской федерации.

Позиция первых была изложена в проекте резолюции Ахмеда Цаликова, а вторых — в проекте резолюции М. А. Расул-Заде. После бурных, продолжительных дебатов большинством (33 — 446, против — 271) была принята резолюция, предложенная Расул-Заде. Вот фрагмент из нее:

«а) ...формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах: причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией;

б) для регулирования общих духовно-культурных вопросов мусульманских народностей России и солидарных их выступлений учреждается центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области. Форма, состав и функции этого органа определяются первым учредительным съездом представителей всех автономных единиц⁴.

Первый всероссийский съезд мусульман послужил стимулом дальнейшего развития национального движения на «окраинах» империи.

Сила эмоционального воздействия съездовских лозунгов, пронизанных идеей единения и независимости, была настолько велика, что они во многом определили этнополитическую ситуацию в этих регионах в период между Февралем и Октябрем.

В те дни в Туркестане уже функционировало несколько политических организаций, поддерживающих самые тесные контакты с другими национальными партиями и течениями. Прежде всего в мусульманских частях России.

Одной из таких организаций была «Шуро-и-Исламия» (основана в марте 1917 г.), которая наращивала свое влияние в регионе. Социальная база новой

² Улуг Туркестан. 1917. 7 июня. № 9.

³ Программные документы мусульманских политических партий (1917—1920 гг.). Оксфорд, 1985. С. 33 (на рус. яз.).

⁴ Там же. С. 11—12.

организации была достаточно разнородной: представители духовенства, национальной интеллигенции, чиновничества, купечества и 'зарождающейся промышленной буржуазии. Сочувственно к программным положениям «Шуро-и-Ислами» относились и многие дехкане, кустары, служащие. Мы не знаем пока точной численности этой организации, но имеем сведения о существовании почти во всех крупных населенных пунктах Туркестана ее филиалов, активисты которых оперативно и успешно вели популярную работу среди местного населения.

Уже в начале своей деятельности (весной 1917 г.) «Шуро-и-Исламия» четко определяет программу действий, в основе которой лежала идея национального самопредопределения.

По инициативе «Шуро-и-Ислами» с 16 по 23 апреля 1917 г. (т. е. до I всероссийского съезда мусульман) в Ташкенте проходил первый краевой мусульманский съезд, собравший около 450 делегатов со всего Туркестана, включая 93 представителей русской общественности⁵. Съезд принял резолюции с требованием прекращения колонизации Средней Азии и возвращения коренному населению конфискованных у него земель. Отдельным решением была отмечена необходимость учреждения в Туркестане Центрального Совета мусульман, который позже стал известен как Национальный центр (Милли марказ)⁶.

Съезд высказался за осуществление демократических свобод. Все граждане без различия пола, вероисповедания и национальности должны быть равны перед законом; гражданам обеспечивается свобода совести, слова, собраний, передвижения, организации союзов и обществ, а также неприкосновенности жилища, личности и т. д.

По вопросу о национально-государственном устройстве России съезд принял решение (так же, как позже первый всероссийский мусульманский съезд), по которому Туркестан должен был войти в состав Российской республики в качестве отдельной территориальной автономии, организованной на началах национального самоуправления.

Вместе с тем необходимо отметить, что была и иная позиция, суть которой заключалась в достижении полной политической, экономической независимости и окончательном отделении Туркестана от России⁷. Однако эта точка зрения в те дни не доминировала в обществе, видимо, в силу того, как отмечал Г. Сафаров, что «отделение лишило бы прогрессистов поддержки русского либерального общества...»⁸.

Во всяком случае, данное обстоятельство все время фигурировало в процессе политической борьбы различных национальных организаций и течений внутри них, а также служило наиболее веским аргументом в руках умеренного крыла национального движения.

Вопрос о будущем государственно-политическом устройстве России и Туркестана был не единственным поляризующим моментом. Не совпадали мнения и по большинству вопросов, касающихся темпов, степени и характера религиозных реформ, эмансипации женщин, отношения к войне, к Временному правительству и проводимой им национальной политике и т. д.

Все это, в конце концов, привело к тому, что в июне 1917 г. из «Шуро-и-Ислами» выделилась более консервативная часть — «Шуро-и-Уламо» (Совет духовенства), которая пользовалась большим влиянием, прежде всего в Ташкенте.

К лету 1917 г. расстановка политических сил в Туркестане представляла собой довольно сложную картину. В самом национальном движении происходит естественный процесс размежевания (объединительные тенденции усиливаются лишь к осени). На одном полюсе находились туркестанские прогрессисты — наиболее образованная часть зарождающейся интеллигенции и буржуазии, интересы которых защищала «Шуро-и-Исламия» в союзе с другими организациями («Турк одами марказят фиркаси» — партия тюркских федералистов, «Турон», «Алаш-Орда» и др.), а на другом — традиционалисты («Шуро-и-Уламо» со своим печатным органом — «Ал-Изох»).

Политизированные слои русского общества Туркестана концентрировались преимущественно вокруг социалистов-революционеров, конституционных демократов, радикальных демократов, социалистов-демократов и некоторых других партий.

Отношения между двумя блоками политических организаций (национальных и общероссийских) были также неоднозначными и зачастую противоречивыми.

Однако примечательно, что в ходе политического противостояния далеко не всегда национальные партии и их лидеры выступали единым фронтом против тех или иных действий, которые предпринимали представители общероссийских организаций. В частности, это проявилось в ходе предвыборной кампании в городские думы Туркестана, а позже и в их деятельности.

⁵ Central Asia: a century of Russian Rule. Edited by Edvard Allworth. Columbia University Press. New York and London, 1967. P. 216.

⁶ Там же.

⁷ См.: Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921. С. 56.

⁸ Там же.

Надо сказать, что подготовка к выборам в городские думы со стороны всех организаций носила планомерный и целенаправленный характер.

Так, лидеры национального движения: Убайдулла Ходжаев, Тошпулатбек Нурбутабеков, Мунаввар Кори Абдурашидханов, Пашабек Пулатханов (в Ташкенте), М. Бехбуди (в Самарканде), Носырхон-Тора (в Фергане), М. Тынышпаев (в Верном) и др., — в соответствии с решениями первого краевого и первого всероссийского съездов мусульман приступили к широкой агитационной работе среди населения. В ходе ее использовались публичные лекции, организации собраний и митингов, публикация прокламаций, статей в газетах: «Улуг Туркестан», «Нажат», «Хуррият», «Шуро-и-Исламия» и т. д. При этом ставилась цель — в доступном изложении ознакомить население как с самой техникой предстоящих выборов, так и с программными положениями национальных политических партий.

Акцентировалось внимание на важности для судеб коренного населения выдвижения в городские думы лиц, способных достойно защищать его интересы. Все это оказывало влияние на развитие политического и национального самосознания местных народов и в определенной мере помогало им ориентироваться в сложной обстановке того времени. Во многом благодаря этим усилиям национальные организации Туркестана в ходе выборов одержали победу. Так, избиратели г. Ташкента, сгруппировавшись вокруг двух списков (список № 10 включал кандидатов объединенных мусульманских организаций «старого» и «нового» города: «Шуро-и-Исламия», «Турон» и др., а список № 3 — организации «Шуро-и-Уламо»), сумели со значительным перевесом провести своих кандидатов в городскую думу.

К началу августа, по подсчету избирательных бюллетеней, выборы гласных в Ташкентскую городскую думу дали следующие результаты (по спискам): № 1 — социал-демократической партии — 4; № 2 — социал-революционеров — 24; № 3 — организации «Шуро-и-Уламо» — 64; № 4 — союза домовладельцев — 1; № 5 — союза строительных рабочих-мусульман — 1; № 6 — радикально-демократической партии — 2; № 7 — евреев г. Ташкента — 1; № 8 — совета общественных организаций — 1; № 10 — объединенных мусульманских организаций «старого» и «нового» города — 11; № 12 — Ташкентского казачьего круга — 1; № 13 — партии народной свободы — 1; № 14 — общества туземных евреев — 1. Всего 112 гласных⁹.

Однако несмотря на эту убедительную победу национальных организаций, сомнения, которые высказывались и в «туземной», и в русской прессе по поводу дееспособности новой городской думы, во многом оправдались. Почти на каждом ее заседании происходили ожесточенные споры между группой «Шуро-и-Уламо» (время от времени выступавшей в союзе с консервативной частью русских гласных) и гласными от общероссийских демократических организаций, которых часто поддерживали шуруисламисты.

На решение любого вопроса, будь-то: продовольственного, медико-санитарного, жилищного или организационного, — уходило неоправданно много драгоценного времени. В процессе работы думы и вне ее упреки, иногда сдержанные, а иногда более резкие, со стороны прогрессистов (шуруисламистов) в адрес группы «Шуро-и-Уламо» по поводу отсутствия у последних национал-патристических чувств и низкого уровня политического самосознания звучали все чаще.

В свою очередь, шуруисламисты сетовали на то, что им не дают говорить в думе, не переводят речей их ораторов, не проявляют уважения к чужому мнению. А демонстративные уходы с заседания думы целых фракций казались шуруисламистам доказательством бессилия¹⁰. Прогрессистов они считали людьми, лишенными жизненного опыта, слишком увлеченными европейской культурой, западными ценностями, оторванными от своих корней, а потому и не пользующимися влиянием и уважением в мусульманской среде.

В определенной мере эти замечания, очевидно, имели под собой почву, так как действительно партия «Шуро-и-Исламия» объединяла в своих рядах преимущественно наиболее элитную часть коренного населения Туркестана. Однако, как уже отмечалось выше, бурные процессы, вызванные послефевральскими событиями 1917 г., не могли не способствовать политизации населения, вызывая интерес к политической ориентации и программным положениям национальных организаций, в том числе «Шуро-и-Исламия».

В то же время ситуация менялась буквально на глазах, свидетельством чему явился второй всероссийский мусульманский съезд (21—31 июля 1917 г.), проходивший в Казани параллельно со съездами мусульманского духовенства (уламо) и мусульманских военнослужащих, допущенных, согласно указаниям из Петрограда, командующим войсками, присутствовавшим на открытии и приветствовавшим съезд¹¹.

В работе съезда приняли участие более 260 делегатов, в том числе от Туркестана, в лице Собиржона Юсупова, представлявшего в Казани туркестанскую организацию солдат-мусульман¹². (создана в апреле 1917 г.), и Убайдуллы Ходжаева, ко-

⁹ Туркестанский курьер. 1917. 2 авг. № 171.

¹⁰ См.: Туркестанское слово. 1917. 2 сент. № 13.

¹¹ Туркестанские ведомости. 1917. 23 июля. № 161.

¹² Кенгаш. 1917. 20 авг. № 10.

который был избран в президиум съезда и выступил с докладом, посвященным анализу политико-экономической ситуации в Туркестане.

По большинству рассматриваемых вопросов делегаты солидаризировались с решениями первого всероссийского съезда мусульман, которые, однако, в значительной части еще не были реализованы.

По мере приближения сроков выборов в Учредительное собрание, на которое, как известно, возлагались огромные надежды, особо актуальной становилась выработка тактики в период предвыборной кампании. В этой связи отмечалось, что:

1) мусульмане при выборах в Учредительное собрание составляют один список;

2) допускается (в случае важности) образование блока с социалистическими партиями;

3) составление списка кандидатов предоставляется губернским национальным советам или заменяющим их другим национальным организациям¹³.

Не менее злободневными были вопросы, касающиеся военно-организационной проблематики. Делегаты поддержали идею создания Всероссийского центрального мусульманского военного Совета (Харби Шура) и утвердили пакет предложений, выработанных мусульманским военным съездом, проходившим в Казани с 17 по 24 июля 1917 г.¹⁴

Отмечалось, что всероссийский мусульманский Совет в вопросах организации отдельных мусульманских войсковых частей имеет право входить в сношения с центральными организациями всех национальностей России и, если найдет нужным, образовывать с ними блоки.

Обсуждая вопрос об организации отдельных мусульманских войсковых частей, делегаты пришли к выводу, что в случае, если постоянное войско будет сохранено и не будет заменено народной милицией, то оно должно быть переформировано по национальному признаку. При этом предлагалось немедленно отправить делегацию в Петроград для реализации данного вопроса, а при отрицательном ответе приступить к образованию мусульманских частей явочным порядком¹⁵.

К концу работы съезда делегатами было принято решение о проведении объединенного заседания представителей трех вышеуказанных мусульманских форумов, где были приняты специальные обращения к Временному правительству и народам России. 8 августа 1917 г. в Петроград были отправлены делегаты от этих съездов с несколькими докладными записками, в одной из которых обращалось внимание на то, что в Туркестане мусульманское население, составляющее большинство (95%), лишено «решающего влияния в вопросах краевого управления местной жизнью»¹⁶.

Однако официальная власть так и не смогла (или не захотела) всерьез прислушаться к голосу мусульманских «окраин» бывшей империи, поставив тем самым под сомнение возможность поиска дальнейших взаимоприемлемых решений по поводу настоящего и будущего этих народов.

Участники национального движения, вдохновленные резолюциями всероссийских и краевых мусульманских съездов, желали скорейшего осуществления их долгожданных стремлений и не хотели более быть просто объектами чужей политики. И хотя их надеждам в те дни так и не суждено было сбыться, опыт, приобретенный ими в процессе совместной политической борьбы, еще не раз использовался и в последующие годы.

Р. М. Абдуллаев

¹³ Программные документы мусульманских политических партий... С. 42.

¹⁴ Улуг Туркестан. 1917. 30 июля. № 19.

¹⁵ Программные документы мусульманских политических партий... С. 36—38.

¹⁶ Туркестанский курьер. 1917. 12 авг. № 180.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В АФГАНИСТАНЕ

История конституционного развития Афганистана вобрала в себя все особенности и противоречия, проявившиеся в социальной, экономической и политической эволюции этого государства за период его независимого существования.

Анализ истории конституционного развития этой страны позволяет выявить общее и особенное в конституционном праве Афганистана, основные тенденции, характеризующие его политико-правовое развитие. Исследование этих проблем весьма актуально сегодня, когда перед Афганистаном стоят сложнейшие задачи создания такой модели государственности, которая способствовала бы национально-территориальной интеграции, отражала бы реальное соотношение политических сил в стране и в конечном итоге содействовала ее стабильному социальному развитию.

Исследование генезиса конституционного развития Афганистана представляет для нас особый интерес в связи с многогранными торгово-экономическими, куль-

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУҚ РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОИЙ
ФАНЛАР

1996

11 — 12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

эҳтимоли бўлган турли эпидемик касалликларни олдини олиш мақсадида Тошкентда, кейинчалик Самарқандда тиббиёт институтлари очилди.

30-йилларнинг охирига келиб Ўрта Осиё таъобат институтида (бўлғуси Тош-МII) битирувчиларнинг ярмидан кўпи маҳаллий миллат вакиллари эдилар. Олимлар орасида биринчи ўзбек шифокорлари (З. И. Умидова, Д. Соҳибов, А. Ҳошимов) етишиб чиқдилар. Таъобатчиларнинг асосий эътиборлари Ўрта Осиёга хос бўлган касалликлар, жумладан безгак, ҳомилдорлик паталогияси ва ўпка сили, турли паталогик касалликларни жарроҳлик йўли билан даволаш усулларига қаратилган эди.

Ўзбекистонда амалга оширилган маданий юксалиш ўз ноетук томонларига эга бўлсада, халқ оммасининг маълумот ва маърифий савиясини, дунёқарашини шакллантиришда, аynиқса уларни сиёсий тарбиялашда ижобий роль ўйнади. Шунинг учун ҳам адабиёт ва санъатнинг ролига катта баҳо берилди ва улар жадал ривожлантирилди.

Халқни бошқара олиш тажрибасига эга бўлган компартия адабиёт, санъатни халқ қалбига тезроқ етиб боришнинг ҳисобга олиб, ёзувчи, шоирларни омма ичига сафарбар қилди.

Бу ижтимоий босқичда театр ва мусиқага алоҳида эътибор берилди. 1936 йилда ажойиб, талантли ўқитувчиларга эга бўлган Тошкент консерваторияси очилди. Шу босқичда адабиёт ва санъатда «социалистик реализм» байроғи кўтарилиб, борлиқни нобадний бўяб кўрсатиш авж ола бошлади. Бу ҳол ўша йилларда кўплаб миллат тафаккури гуначаларини сўндирган қатағонларга олиб келди.

Маорифнинг камчиликлардан қатъи назар унинг ривожини миллий эътилоларнинг шаклланишига замин бўлди, олий малакали кадрлар деярли халқ хўжалигининг барча жабҳаларини қамраб олди, бу эса янги-янги илмий масканлар очилишига асос бўлди.

1932 йилда ташкил қилинган ФАН комитети 1940 йилда Иттифоқ ФА филиалига айлантирилди. Лекин йилдан-йил ривожланиб бораётган маъмурий буйруқбозлик тизими мамлакатнинг барча ижтимоий сиёсий жабҳаларини ўраб ола бошлаган эди. Албатта бу ҳол фанни формализм, тўрачилик орқали бошқаришга олиб келиб, илм-фанга гоявий бузуқ, чалла-мулла олиму эътилолар кириб қолишига замин яратди.

Мустақиллик шароитида юқорида таъкидланган муваффақиятларни танқидий ривожлантириб, хато ва камчиликларга йўл қўймаслик ўз халқни, миллати, давлати тақдирини учун қайғурадиган, Ўзбекистоннинг келажагини буюк давлат бўлишига чин дилдан ишонган ҳар бир виждонли фуқаро олдидаги муҳим вазифадир.

А. Чориев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРКЕСТАНА В 1917 ГОДУ

В настоящее время, когда значительно возросло национальное самосознание нашего народа, большой интерес вызывает история становления и деятельности национальных политических организаций Туркестана в 1917 г. Первые попытки анализа ее предпринимались уже непосредственно после февральских событий 1917 г.¹

Хотя большинство этих работ носили характер газетной статьи, они все же сохраняют свою ценность и значимость, прежде всего потому, что авторы этих публикаций были современниками, а в некоторых случаях и участниками бурных событий тех лет.

Особое место отметить и то, что первые работы (в отличие от последующих) были написаны большей частью прямыми оппонентами большевиков, благодаря чему мы сегодня имеем возможность познакомиться с нетрадиционными, альтернативными оценками политических процессов того периода.

Однако для более полного и системного анализа исторических событий, как известно, требуются и время, и обширный фактологический материал, которыми упомянутые авторы, разумеется, еще не обладали. В этом смысле в немного более благоприятной обстановке находились исследователи 20-х годов². Большинство из них не были историками-профессионалами, но тем не менее их труды отличались

¹ См.: Тугон З. В. Туркестонда ташкилот масаласи//Кенгаши. 1917. 19 июль; Лыкошин Н. О чем грезят туземцы//Туркестанское слово. 1917. 24 авг.; Шахмедов Ш. Роль национальностей в революции//Туркестанские ведомости. 1917. 30 сент.; Ельчнев Б. О некоторых течениях среди мусульман//Свободный Туркестан. 1918. 24—26 янв.

² См.: Сафаров Г. Колоннальная революция (опыт Туркестана). М., 1921; его же. Проблемы Востока. Пг., 1922; Муравейский С. Материалы по исто-

от первых публикаций наличием более широкой источниковой базы, что способствовало появлению работ научно-теоретического характера.

Кроме того, работы эти писались тогда, когда драматические события 1917 г. еще свежи были в памяти, а партийный прессинг был менее ощутим, что, в свою очередь, создавало условия для сохранения хотя бы малой толики самостоятельности в суждениях и выводах.

В своих исследованиях авторы поднимали ряд вопросов, которые и в настоящее время не утратили своей актуальности. Ими предпринимались попытки анализа социальной базы национальных политических организаций, их программных положений, изучалось состояние взаимосвязей с родственными партиями и движениями сопредельных стран и т. д.

В то же время в литературе того периода, за исключением работы Г. Сафарова «Колониальная революция (опыт Туркестана)» и А. Силонова «Февральская революция в Средней Азии», почти не говорится о таких известных и популярных национально-политических организациях Туркестана, как «Шури-Исламия» и «Шури-Уламо». Соответственно этому недостаточное внимание уделяется идейным воззрениям, публикациям, высказываниям и практической деятельности лидеров названных организаций.

В конце 20—30-е годы публикации по различным аспектам проблемы продолжали выходить³. Но в этих исследованиях все чаще стала искажаться конкретно-историческая роль национальных политических организаций Туркестана. Без убедительной аргументации и тщательного объективного анализа их программных документов, целей и задач последние характеризовались как антинародные, националистические организации, а их лидерам щедро навешивались ярлыки «буржуазных националистов», «врагов народа» и т. д.

Расстановка сил в Туркестане упрощенно представлялась как противоборство трудящихся коренных национальностей и русского пролетариата, с одной стороны, и союза белогвардейцев с национальной буржуазией и национальными политическими организациями, — с другой.

При этом абсолютно не замечался и игнорировался факт активного участия широких слоев местного населения в работе национальных политических организаций и различных мусульманских (общероссийских, краевых, областных, городских и т. д.) форумах, на которых принимались решения, совершенно не соответствовавшие стратегическим целям и задачам большевиков.

В данных (и последующих) публикациях выхолащивались многообразие сложной динамичной борьбы и взаимодействия разнородных национальных, групповых и иных политических сил, каждая из которых выступала со своей программой, стратегией и тактикой.

Между тем вполне очевидно, что без осознания данного обстоятельства невозможно до конца понять все перипетии политической истории края, потенциальные возможности различных исторических альтернатив.

В целом знакомство с литературой конца 20—30-х годов говорит о том, что большинство оценок и положений советской историографии вопроса постепенно оформлялись именно в тот период. В последующем существенных изменений в обработанную уже тогда общую концепцию внесено не было. Работа велась преимущественно в направлении сбора новых фактов, нацеленных на обоснование уже сделанных выводов.

В 40—80-е годы в свет вышла огромная масса публикаций, в той или иной степени имеющих отношение к данной проблеме⁴. В них мы находим знакомую и к тому времени утвердившуюся в сознании людей характеристику национальных

рии Октябрьской революции в Туркестане. Ташкент, 1922; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925; Ходжаев Ф. О младобухарцах//Историк-марксист. М., 1926. № 1; Туркестанский Г. Кто такие были джаиды. Ташкент, 1926; Силонов А. Февральская революция в Средней Азии//Коммунистическая мысль. Ташкент, 1927. Кн. 3.

³ Аршарун А. Кризис турецкой идеологии//Новый Восток. М., 1928. Кн. 22; Цвибак М. Классовая борьба в Туркестане//Историк-марксист. М., 1929. № 11; Габидуллин Х. Национальный вопрос в гражданской войне//Историк-марксист. М., 1932. № 6; Манжара Д. Революционное движение в Средней Азии 1905—1920 гг.: Воспоминания. Ташкент, 1934.

⁴ Ниялло А. (Станишевский). Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941; Раджабов З. Развитие общественной мысли таджикского народа во 2-й половине XIX и в начале XX века. Сталинабад, 1951; Житов К. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1957; Додонов И. Победа Октябрьской революции в Туркестане. Ташкент, 1958; Харин В. Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане. Ташкент, 1958; Иноятов Х. Узбекистан Октября революция. Ташкент, 1957; его же. Победа Советской власти в Узбекистане. Ташкент,

организаций региона как сугубо антинародных и реакционных. При этом делался вывод о том, что «в национальном движении в Туркестане после Февральской буржуазно-демократической революции более четко стали определяться два противоположных течения, два лагеря, резко отличных по своему классовому характеру, политическим целям и устремлениям.

Первое — подлинно народное, национально-освободительное движение рабочих, крестьян, солдат, демократических слоев национальной интеллигенции сливалось в единый фронт с революционной борьбой российского пролетариата за социализм. Второе — реакционное буржуазно-националистическое движение капиталистов, крупных землевладельцев, торговцев, духовенства и находившейся у них на службе буржуазной интеллигенции добивалось монопольного «права» на ограбление и эксплуатацию «своего народа»⁵.

Утверждалось, что лидеры национального движения якобы «выдавали свои личные, узко классовые, антинародные интересы за интересы общенациональные...»⁶

В течение всего этого долгого периода исследователи (за малым исключением) продолжали отвечать на многие злободневные вопросы истории неизменно с одинаковых, вульгарно-классовых позиций, судя по всему, убежденные в том, что «пролетарская партийность» в научном познании фактически сочетается с полной объективностью. Размышлять о «цене революции», ее издержках, о наличии и соотношении различных альтернатив было не принято. Напрочь отменялись, игнорировались все свидетельства, которые не входили в прокрустово ложе, тесные, заранее заданные рамки идеологических установок.

В методологическом аспекте важнейшей особенностью советской историографии вопроса в прошлом было утверждение тезиса о вторичности национального фактора, его подчиненного места в борьбе за «социалистическую революцию, социализм и коммунизм».

При изучении истории национальных движений советские историки и общественеды, естественно, пытались дать оценку и их идеологической основе. Считалось, что в качестве такой основы обычно выступает та или иная разновидность национализма. Здесь следует заметить, однако, что далеко не всегда общественная мысль давала лишь негативное определение дефиниции «национализм». Проводились многие изыскания по классификации типов национализма, в результате которых обосновывался вывод о существовании различных форм «прогрессивного и реакционного национализма». При этом под «прогрессивным национализмом» понимали стремление угнетенных и зависимых народов к освобождению от колониального рабства и созданию своих суверенных государств.

Однако, как правило, такое отношение к национализму не распространялось на народы, которые входили в состав Российской империи, а позднее советского государства. Для них как бы существовала другая система координат. Степень реакционности национальных движений и идеологии «окараивших» народов России определялась уровнем их лояльности (или нелояльности) к имперским властям.

Разумеется, при таком подходе и национальные политические организации Туркестана, добивавшиеся предоставления краю прав национально-территориальной автономии, однозначно включались в блок реакционных, антигосударственных и враждебных политических сил.

Таким образом, как представляется, в нашей исторической науке долгие десятилетия существовал «двойной стандарт» в оценках генетически связанных и идейно родственных явлений в политической жизни многих колониальных народов нашей планеты.

И лишь с конца 80 — начала 90-х годов начался медленный и мучительный процесс отказа от стереотипов догматического мышления. На состоявшихся в эти годы различных научно-теоретических конференциях, дискуссиях и «круглых столах» начали ставиться и обсуждаться самые принципиальные и актуальнейшие вопросы, без решения которых не могло быть и речи о прогрессе исторической науки.

Речь шла не только о необходимости поиска новых подходов к изучению истории и ее переосмысления, но и о истоках конъюнктуры и инертности. Широко обсуждались эти и другие вопросы на научно-теоретической конференции «Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения», состоявшейся на базе Института истории АН Узбекистана в ноябре 1989 г.⁷ Участники конференции (Р. Я. Раджапова, В. Булдаков, Р. Шамсутдинов, Ф. Касымов, С. Агзамходжаев, Е. Прилуцкий, М. Хасанов и др.) попытались по-новому взглянуть на многие, казалось, устоявшиеся положения и выводы политической истории Туркестана начала столетия.

1967; его же. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984.

⁵ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967. С. 54—55.

⁶ Раджабов З. Развитие общественной мысли... С. 30.

⁷ См.: Материалы конференции. Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения. Ташкент, 1991.

С обретением независимости Узбекистана перед исследователями открылись новые возможности для комплексного, критического анализа прошлого, в том числе истории становления и деятельности национальных политических организаций Туркестана.

После 1991 г. данной теме посвятили свои публикации целый ряд авторов⁸. Анализ этой литературы дает нам основание утверждать, что мы становимся свидетелями болезненного, но объективного процесса перехода исторической науки от, казалось бы, вечного оцепенения и «топания на месте» к «отрезвлению» и ответственности.

Отрадно отметить, что многие авторы в своих исследованиях обратили основное внимание на неосвоенные и фальсифицированные аспекты проблемы. При этом, выйдя за рамки общепринятых «традиций», они делают свое обобщение, основываясь на богатом фактологическом материале (в том числе и арабграфическом).

В этих публикациях, написанных на основе современных концептуальных подходов, мы находим материалы, дающие нам ценные сведения о программных положениях, целях и задачах туркестанских национальных политических организаций («Шурон-Исломия», «Шурон-Уламо», «Турон», «Тюрк одами марказият фиркаси» и др.); о политическом противостоянии внутри национального движения; о жизни и деятельности лидеров национальных политических организаций края и т. п.

В интерпретации современных авторов история национально-освободительного движения народов Туркестана свидетельствует о том, что его участники, объединившись в политические организации и союзы, направляли усилия соотечественников на борьбу с колониаторскими устремлениями официальных властей, в какие бы одежды они ни рядились — в царские или большевистские. Движение смогло сплотить вокруг себя наиболее элитную, передовую часть общества, которой с первых же дней пришлось почувствовать на себе всю мощь имперской пропагандистской машины и неистового сопротивления ретроградов и великодержавников.

В наши дни мы являемся свидетелями того, что идеи, с которыми выступали лидеры национальных политических организаций Туркестана, в своей основной части воплотились в реальность.

Однако актуальными продолжают оставаться многие вопросы, волновавшие участников национального движения еще в начале века и связанные прежде всего с проблемами выбора путей развития и реформирования туркестанского общества.

Кроме того, сегодня значительно возрос интерес и к таким аспектам политической истории колониального Туркестана, как: развитие консолидационных процессов в национальном движении; эволюция национальных политических идей; национальные и общероссийские политические организации; Туркестан и мировое сообщество.

Таким образом, можно констатировать, что перед историками (несмотря на определенный задел, осуществленный предшествующими исследователями) еще стоят большие задачи, реализация которых, несомненно, будет способствовать более полной, всесторонней и глубокой разработке истории национальных движений, позволит шире показать масштабы и реальные перипетии борьбы национальных политических организаций Туркестана за демократию и свободу.

Р. Абдуллаев

⁸ Садиков Х. Убайдуллахўжа Асадуллахўжасв//Инсон ва сиёсат. 1991. № 11; Холбоев С. Мунаввар Қори/Фан ва турмуш. 1991. № 4; Голованов А. Как нации самоопределялись//Звезда Востока. 1992. № 5; Қосимов Б. Истиқлол курашчиси//Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1992. 3 апр.; Аъзамхўжаев С. «Шурон-Исломия» — асли қандай эди//Фан ва турмуш. 1992. № 5—6; его же. Туркистон бирлиги учун. Тошкент, 1955; Ташкулов Д. Борьба джаидов за независимость Туркестана//Истиқбол. 1993. № 1—3; Турдыев Ш. Маҳмудхўжа Бехбудий//Мулоқот. 1994. № 3/4.

ОДАТ ҚОИДАЛАРИ — УРТА ОСИЕ ХАЛҚЛАРИНИНГ ҲУҚУҚ МАНБАИ СИФАТИДА (X—XV асрлар)

«Одат» — атамаси бизга «қуръон» орқали ўтган араб сўзи бўлиб, кўпинча «урф ва одат» деб юритилади. «Ўзбек тилининг изоҳли луғати»да — одатга қўйилганга изоҳ берилган: Одат — «Ота-бободан қолиб келаётган ва кишиларга сингиб кетган ёки янгидан сингиб бораётган расм-рўсм удум-тартиб»¹. Одат ҳуқуқи тўғрисида умуман гапирилмаган. Аслида эса эски ўзбек тилида шундай тушунча мавжуд бўлиб, одат ҳуқуқи «тўра» деб юритилган. Ўтроқ туркий халқларда ва ўзбекларда арабча «урф ва одат» деган аъма қабул қилиниб, кейинчалик дашт ўзбекларида ҳам «тўра» эмас «одат» қўлланилиб кетган. Одат ҳуқуқи бу бирор давлат, халқ ёки маълум бир жойнинг ёзиб қўйилмаган, оғиздан-оғизга, авлоддан-авлодга ўтиб кел-

¹ Ўзбек тилининг изоҳли луғати, 2 томлик. 1-том. М., 1981, 521-бет.